

Анатолий Гусев

12+

Подъесаул Гундоровского полка

Анатолий Алексеевич Гусев

Подъесаул гундоровского полка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39436510

SelfPub; 2018

Аннотация

В один день бывший подъесаул Андрей Зайцев, а ныне заключённый лагеря особого назначения, узнал, что ему разрешили свидание с женой, а к вечеру должны применить к нему высшую меру социальной защиты...

Картинку к обложке можно найти на: Liveintemet.ru
sammler.ru Forum ww2.ru

Подьесаул 10 Донского казачьего полка, уроженец хутора Петровский станицы Урюпинская Области Войска Донского Зайцев Андрей Кондратьевич, а ныне заключённый в лагере Особого Назначения, ка-эр, то есть контрреволюционер стоял перед надзирателем отряда.

Подьесаулу тридцать четыре года, высокий, статный, белокурый и голубоглазый, с пшеничными усами – ибо негоже казаку с бабьим лицом ходить. Жизнь мотала его от Хопра до Карпат, от Карпат до Дона, от Дона до Кубани, с Кубани до Крыма, а с Крыма до города Варна, что в Болгарии. Из Болгарии его Советская власть уговорила уехать, вернуться на Родину. Он вернулся. От греха подальше уехал из хутора с семьёй в Тамбов, где работал бухгалтером. Но не прошло и года, как его арестовали. И как контрреволюционера отправили на Север, в лагерь Особого Назначения.

Надзирателя звали Иван Патрикеевич Подколодный. Отроду ему было тридцать лет, чёрный, как ворон, глаза тёмные с хитринкой. Уроженец Области Войска Донского, но не казак, а иногородний, как таких тогда называли казаки, работал на шахте. Не шахтёр, был столяром при шахте. Из своего родного города – Александровск-Грушевский, призван в армию в начале Империалистической войны, попал на флот, на крейсер «Аврора». Ушёл добровольцем на фронт в 1918 году. Вот тогда, через год, он впервые столкнулся с Андреем

Зайцевым.

Было это во время Донского восстания, когда их полк, где Подколотный был комиссаром, столкнулся с Гундоровским Георгиевским полком и был разбит. А о гундоровцах слава шла великая, одно их имя вселяло ужас среди красных. Казаки в полку имели минимум по два Георгиевских креста, отличались храбростью, отвагой и необычной дружбой, боевым братством. А сформирован он был в основном из 10 Донского казачьего полка.

В ноябре 1919 года комиссар Подколотный вместе с комполка, после боя у одной из станиц, попал в плен.

Белая армия вообще и белоказаки в частности не имели возможности содержать пленных. Если красные могли себе позволить охранять и содержать пленных, то для белых это уже было излишество, самим бы прокормится. Поэтому пленных красногвардейцев или убивали, или предлагали перейти на сторону белых, или отпускали.

Комиссара и комполка привели казаки из-под берега Дона, в курень к сотнику. А сотником был Андрей Зайцев. Он с жалостью смотрел на мокрого, продрогшего, измазанного глиной матросика. Что перед ним комиссар отряда до сотника не дошло. Разглядев второго пленника, что держался гордо и независимо, сотник воскликнул с изумлением:

– Мирон Ильич? Кузмин? Это вы? Господин войсковой старшина? У красных? – и казакам. – Это казак со станицы Луганской. Полный Георгиевский кавалер!

– А чему вы удивляетесь, сотник? – спокойно сказал Кузмин, статный сорока восьмилетний казак, чёрный, как турок, с цыганской бородой.

– Да большинство с верховых станиц за красных. Моих земляков с Урюпинской, на пример. Но с низовых?

– На войне всё бывает, сотник. И вы сами тому пример.

– И кем вы у красных, товарищ войсковой старшина?

– Ротный, – не задумываясь соврал комполка.

– Значить мы с вами, Мирон Ильич, в одном звании.

– В одном. Поднимусь, если не расстреляете. Я и в царской армии, в Японскую, прошёл путь от хорунжего до подъесаула.

– Знаю, и были лишены звания за революционную деятельность. Даже странно, что вы только ротный у красных.

Кузмин усмехнулся в бороду:

– Нет, не странно, не дюже доверяют просто. Странно то, что в Германскую опять поднялся до войскового старшины.

– Во как человека мотает, – сказал один из казаков.

– Так, что, братья, – спросил Андрей, – к стенке его?

– Да как-то жалко, господин сотник. Всё же свой, казак.

– И что, что казак? Отпустим, против нас воевать будет.

– А может – не будет.

– Я так думаю: предав раз, предаст и второй.

– Кого это я предал? – вскипел Кузмин. – Да я с измальства всё добивался сам! Это ты, сотник, из донских дворян! У тебя яблоневые сады по Хопру, батраки на тебя работают!

А я из рядовых казаков!

– А моим предкам, что, за красивые глаза дворянство пожаловали?

Кузмин не успел ответить, как огромный казак с сивой бородой с четырьмя «георгиями» на шинели, сказал:

– Хватить спорить, господа офицеры. Казака к стенке ставить не будем. По-хорошему, надо бы ума ему плетью вложить, да боевого офицера трогать не пристало. Отпустим, может быть дойдёт, что против собственного народа воюет.

– А если – нет? У красных тот же народ воюет и, даже, казаки имеются.

– В бою пристрелим. Всё одно его не мы, так Бог покарает.

– Ладно, будь, по-вашему. Не хочешь к нам перейти, Кузьмин?

– Нет.

– Что так?

– Это жизнь свою перечеркнуть, да и не победите вы.

– Это мы ещё посмотрим! Не хочешь – как хочешь, – и казакам. – А с матросиком что делать будем?

– Так иногородний – к стенке и вся недолга. Землю нашу хотели отобрать! А она кровушкой казачьей полита! Из-за этого зараз и восстали.

– Ты откуда родом, морячок?

– Из Александровск–Грушевского.

– Хохол?

– Нет.

– Стал быть, иногородний. Шахтёр?

– Столяр при шахте.

Комиссар Подколотный поёжился, неудобно ему стало как-то, даже Кузмин здесь был свой. А он? Иногородний, пролетарий, матрос – более чужеродного элемента в казачьем курене представить было не возможно. Зайцев тоже это понял, посмотрел на него, усмехнулся:

– Даже не плотник! Курень срубить сможешь? Нет? Этому иногороднему, станичники, ваша земля без надобности. Что он с ней делать будет? Эта заваруха кончиться, опять столяром на шахту пойдёт, рубанком махать. И его отпустим. Надо было бы вам там его на берегу Дона и кончать. А теперь уж не нать. Что нам с этого паренька? Не вару, не навару. У него вся жизнь впереди. Пушай идёт, а к нам не попадается.

Сотник был на четыре года старше своего пленника, но считал себя бывалым. А как же? Прошёл войну, полный Георгиевский кавалер.

– Погинет в степу, – сказал кто-то из казаков. – В мокрой-то одежонке. Ветер ноне холодный. До костей пробирает. По-хорошему, лучше уж зараз хлопнуть.

– Ежели уж одного пощадили, то и второго нать пощадить.

– Всё одно в степу замёрзнет. Войсковой-то старшина в тулупе, а у этого одежонка на рыбьем меху. Ежели жалко – лучше пристрелить.

– Да он вроде как моряк, – усомнился сотник, – привычный должен быть к сырости и ветру.

– Может его матроска и мокрая греет, – казак указал на тельняшку, – а только ночью всё одно замёрзнет.

– А, – махнул рукой сотник. – Миловать, так миловать. Оставайтесь оба в курене. Городской, землю отбирать не придёт потом? Аль придёшь? Ладно, располагайтесь.

Остались. В доме Ивана и Мирона переодели в сухое. Форму Ивана постирали – и бушлат, и брюки-клёш, и тельняшку, налили самогону, накормили. Познакомились, поговорили про жизнь и наутро все трое мирно расстались почти друзьями.

Об этом приключении ни комиссар Иван Подколотный, ни комполка Мирон Кузьмин не распространялись, боялись. Ведь самогон-то пили с классовым врагом, могли не так понять.

Второй раз они встретились в Болгарии, где коммунист Подколотный агитировал белоэмигрантов вернуться на Родину.

А третий раз уже здесь, на Севере, в лагере Особого Назначения. Он был надзирателем, назначенный администрацией лагеря, как бывший чекист, отбывал наказание за изнасилование комсомолки, когда пригнали Андрея Зайцева.

Они сделали вид, что друг друга не знают и ни какой выгоды от своего знакомства не получили. Впрочем, режим в лагере только начал ужесточаться, но политические заключённые, в том числе и ка-эры ещё пользовались привилегированным положением. Они были освобождены от принуди-

тельных работ, могли свободно общаться друг с другом, видится с родственниками и пока ещё даже получали помощь от Красного Креста. И содержали их отдельно от других заключённых.

Иван Подколотный встретил Андрея довольно таки дружески, что не на шутку растревожило подьесаула.

– Садись, Андрей, – сказал Подколотный.

– Да уж второй год сижу, – пошутил Зайцев. – И зачем только ты меня из Болгарии сдёрнул?

– По заданию партии.

– То есть ты знал, что меня посадят?

– Откуда? Я искренне думал, что Советской власти нужны бывшие соотечественники. Страна Советов в окружении врагов. А ваш Гундоровский полк, какую славу имел. И заслуженно. Лучший полк во всей Белой армии.

– Это факт.

– А всё-таки мы его разбили, невзирая на всё вашу браваду и георгиевские ленты в петлицах. Красная армия всех сильнее!

– Знамя у нас было в виде георгиевской ленты с георгиевским крестом посередине, – с не поддельной тоской поведал подьесаул Гундоровского полка и с гордостью добавил: – Мы его сохранили, до Болгарии донесли, полк возродили.

– Молодцы, только зачем он в Болгарии? Я думал, такие люди нужны Советской Власти. А сейчас думаю, власть боялась, что, такие, как ты, там за границей организуетесь и

двинете на Советскую Россию. Лучше вас здесь держать под контролем.

Это был намёк на операцию «Трест», о которой Подкольный слышал краем уха. Его самого, скорее всего, использовали в тёмную в рамках этой операции.

– Это что за власть такая пугливая? – спросил Андрей.

– Не пугливая, а осторожная.

– А когда вы эту бучу затевали, там, на Балтике, вы, о чём мечтали? Что бы людей по тюрьмам распахать?

– Мечтали о райской жизни на земле и всеобщей справедливости. Вкусно есть, сладко пить, мягко спать.

– И мало работать. И кто бы это вам всё преподносил? На подносе? А?

– А сознание трудовых масс? Все бы работали. Всех кровопийцев, что из народа кровь сосут, к ногтю. А там свобода. Работай и получай справедливую зарплату.

– Да нет, Ваня. Вкусно есть, да сладко спать все хотят. А работать не очень. У нашей семьи на хуторе сады были яблоневые по Каменке и по Хопру. Антоновка! Наши мочёные яблоки аж до Питера доходили! Может быть, и ты их ел.

– Может быть. Ты это к чему?

– А к тому, что их обиходить надо. Отец рано вставал, поздно ложился. Смотрел, как батраки работали. Богатство просто так не даётся! Пахать надо! Я же агроном, по образованию, кроме офицерского, а ты нас кровопийцами обзываешь.

– А что? – не понял надзиратель. – Батраки на вас пахали!

– Так пахать то пахали, да зато голодные не сидели. А ваша власть пришла, яблони на дрова порубили. Лучшего применения не нашлось! И зубы на полку положили за ненадобностью. А почему? Хозяина нет. Хозяин, он как кучер, конями и телегой управляет, что бы они вперёд шли да в овраг бы не свалились. А вы вкусно поесть мечтали! Думал ли ты в семнадцатом, что вот здесь окажешься по такой поганой статье.

– Не думал, конечно. А статья поганая, да не моя.

– Как это?

– А вот так! Про общество «Долой стыд» слышал?

– Да погань, всё это, – Андрей сплюнул на пол. – Даже большевики это признали.

– В том-то и дело, что признали. Погань-то, погань. Да лозунги у них дюже завлекательные. Каждая комсомолка должна идти навстречу комсомольцу в половом вопросе, а иначе она мешанка. Поди – плохо? Только вот папаша её не разделял прогрессивных взглядов доченьки. Был мещанином в этом вопросе, хоть и партийным работником. Большая шишка. Вот он ввалился к нам в комнату в самый не подходящий момент, а она из-под меня и говорит: «Тятенька, это не то, что вы думаете, он меня насилует». А то, что одежда наша аккуратно сложена и мы сами под одеялом, он на это внимание не обратил. А в родной милиции мне объяснили: или я беру статью на себя и пять лет на Севере, или меня просто

расстреляют. Выбор невелик. Вот так я здесь и оказался. А что устроился хорошо, так что тут удивительного? Начальник лагеря мой кореш. Мы с ним с одного экипажа, с «Авроры». И с бабой не с какой-то там ни будь, а с княгиней Волконской сплю.

– Молодец, хорошо устроился, – криво усмехнулся Андрей. – Согласно всеобщей справедливости. Думала ли твоя княгиня в семнадцатом, что будет вынуждена с матросиком спать?

– Ладно, не зубоскаль! Сейчас разговор-то не обо мне, а о тебе.

– Ясное дело! А иначе что бы тебя разобрало со мной по душам беседовать? Что-то не хорошее?

– Да. Жена к тебе приехала. Свидание разрешили. С десяти утра до пяти часов вечера. Но ты можешь отказаться.

– Зачем? – не понял Андрей.

– Пришло постановление о применении к тебе высшей меры социальной защиты, то есть расстрела, – хмуро пояснил Подколотный.

– За что?

Внутри всё похолодело.

– Тебе не всё равно? Приговор привести в исполнение сегодня до восьми вечера.

– Да за что? – настаивал Андрей.

Глаза его были широко открыты от изумления, взор горел огнём, мозг лихорадочно искал выхода.

– За участие в контрреволюционном восстании на Дону в девятнадцатом годе.

– Я же амнистирован. Ты сам мне об этом в Болгарии сказал.

– Тогда была одна политика партии, сейчас – другая, – вздохнул Иван и стыдливо отвёл глаза.

Он прекрасно понимал, что судьба подьесаула, это всё та же операция «Трест», зачистка потенциальных врагов, а вслух сказал:

– Мы создали механизм, машину что ли, классовой борьбы, террора. Она никакая: не злая и не добрая. Она – машина. Если в её жернова попадёшь, она тебя сотрёт в порошок и не посмотрит: свой ты или чужой. Победили бы вы – сделали бы то же самое. Классовая борьба. Как в любой борьбе, цель – врага уничтожить. А враг-то он свой, русский. Не германец или мадьяр какой-то. Вот беда-то! Русские – народ упрямый, никогда не сдадутся. Вот сидишь ты в своей бухгалтерии и замышляешь что-то против Советской власти.

– Да зачем?– спросил, а сам подумал:

«Попробовать бежать? Пристрелят как зайца. Побег – почти бой! В бою-то умирать легче. Нет. Скажут, что струсил подьесаул, нервы сдали».

– Вот и я думаю – зачем?

Подколотный нагнулся и достал из стола пухлую папку.

– Вот твое дело, гражданин Зайцев Андрей Кондратьевич. Боролись за тебя. Вот заводчане твои ходатайствуют о тебе.

Иван открыл нужную страницу.

– Берут тебя на поруки. Сообщают, что ты не в чём таком замешан не был, лоялен к Советской власти. Грамотный специалист, трудолюбивый работник. Они уверены, что ты принесёшь пользу Советской стране, если тебя досрочно отпустить и вернуть на завод. А вот твои станичники, земляки о тебе хлопочут. Не забыли! Пишут, что ты и твой отец всегда заботились о трудовом народе. Пишут, что ты человек честный, хотя и служил в Белой армии и участвовал в восстании казаков против Советской власти, но в зверствах против красных бойцов замешан не был. И это подписали даже члены хуторской ячейки РКСМ(б) – Российский коммунистический союз молодёжи большевиков.

Иван поднял вверх указательный палец, потом усмехнулся и продолжил:

– Врут, конечно. Все мы в зверствах замешены. И белые и красные.

– А ты поправил бы, Ваня, своих товарищей. Что, мол, ошибаются они: замешен, мол, подьесаул Зайцев в расстрелах.

– А я и поправил. Вот моё заявление, где я сообщаю, что гражданин Зайцев действительно порядочный человек и угрозу Советской власти не несёт и принесёт больше пользы в деле строительства социализма в отдельно взятой стране, то бишь России, если его оставить в живых.

– Сталина читаешь?

– А как же!

– Не боишься?

– Чего? Мы все товарищи, мы все равны между собой. И если мои товарищи ошибаются, то я обязан их поправить.

– Ты же уголовник.

– Я не уголовник. Я сижу по уголовной статье. Да, осту-
пился, а теперь исправляюсь.

– Как я понимаю – поправить не получилось?

Выхода не было, Зайцев смирился со своей участью.

– Правильно понимаешь. Я же тебе говорю – это машина. Бездушная. Ты думаешь, почему надзиратели и охрана издевается над зеками? Что бы на их место не попасть! Дашь слабину, пожалеешь классового врага, подумают, что ты сам такой. Или сочувствуешь.

– Но это же, как снежный ком – дальше будет только хуже. Всё больше и больше будут зверствовать.

– Да, – согласился Подколотный, – это неизбежно. И я думаю, что зверства не помогут. Машина будет уничтожать и своих и чужих. Знакомца-то твоего, Мирона Кузьмина, Дон-чека обвинила в предательстве, и расстреляли его. Я уж тебе в Болгарии не стал говорить. А он командующий армией был. Его сам Троцкий назначил. Во! А ты говоришь! И когда это кончиться – кто знает? Страшно.

– Когда-нибудь да закончится. И никакая это не машина, а продуманная стратегия. Волю народную так подавляют. Что бы строил народ коммунизм и голову б не поднимал и даже

не задумывался, что теория этого вашего Маркса не жизнеспособная. Гутарят, что Ленин ваш с ума сошёл, когда понял, что натворил.

– Ты со словами-то этими поосторожней. Нахватался всякой дряни за границей!

– Мне что-то хуже грозит? – усмехнулся Андрей. – И кореша твоего к стенке поставят, когда в нём надобность отпадёт. Чтобы не очернял светлого коммунистического завтра.

Подколодный не ответил: понимал, что всё может быть.

Андрей достал клочок газеты, насыпал туда махорки, свернул сигарку, вставил в мундштук, чиркнул половинкой спички о коробок, закурил. Руки у него не дрожали.

– А ты не боишься, – заметил Иван.

– Отбоялся. Да и казак я, стыдно бояться.

– А жена, дети?

– А что? На Дону вдовы и сироты не в диковинку.

Андрей тихо в полголоса пропел:

*Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветет наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами.*

Спел, а сам вспомнил другую песню, что пели казаки в двадцатом году, отступая в Крым, явно переделанную на свой лад из офицерского романса, полную тоски и безнадёж-

НОСТИ.

*Не для меня придёт вясна,
Не для меня Дон разальётся.*

В памяти всплыл последний куплет:

*А для меня, кусок свянца
Он в тело белое вапётся
И кровь горячая пральётся,
Такая жизнь, брат, ждёт меня.*

Какая там жизнь! Вот жизнь как раз и не ждёт, жизнь кончилась. Ждёт жена.

– С женой встречаться не передумал? – прервал его размышления Подколотный.

– Нет.

– Скажешь ей?

– Зачем?

– Ну?.. Твоё дело...

– Моё – согласился Андрей и с досадой добавил: – Эх, сидели бы вы тихо на своём корыте – всем бы хорошо было. Подколотный развёл руками:

– Ну ...

Вернулся подьесаул в бывшую монастырскую келью, а те-

перь камеру, сел на свои нары каким-то растерянным. Что было тут же замечено его сокамерниками.

Священник отец Глеб Крестовоздвиженский, огромный здоровяк-поп из села Измайлово, что под Тамбовом, в штопанной-перештопанной рясе, с деревянным самодельным крестом на верёвке поверх её, подошёл к Андрею.

– Что случилось? – участливо спросил басом.

– Жена приехала. Свидание разрешили.

– Радоваться должен.

– Да. А до восьми вечера ко мне должны применить высшую меру социальной защиты, – тон у Андрея был безразличный.

К нему подошли ещё четверо обитателей камеры.

– Что, начинается? – зло сказал Воропанов Григорий, капитан царской армии, он служил рядовым в войсках Деникина, а затем Врангеля.

Андрей обречённо кивнул.

– А чему тут удивляться? – сказал Илья Романов, крестьянин Тамбовской губернии, бывший дезертир из Красной Армии и бывший атаман банды во время восстания Антонова.

По меркам Советской власти, он кулак, хотя по меркам довоенной Тамбовской губернии, даже не середняк. Имелось у него в хозяйстве две коровы, коза, три лошади, держал двух свиней, двух телят, двадцать овец, кур, гусей и даже индюков. А ещё у него было восемь детей – пять мальчиков и три девочки. Соответственно и земли было много. До войны

пахал как проклятый от зари до зари. Земля на лучших в мире чернозёмах давала богатый урожай! Ну и жил не плохо, по крайней мере, семья его голодной не сидела – амбар всегда полон был, обуты, одеты, патефон имелся. Революцию принял сразу – землицы добавить, оно бы не помешало. Войну бы прикончить и опять тамбовская пшеница за границу потечёт. Но осенью 1918 года к нему в Красную Армию пришло письмо от жены, что большевики землю не дали, но отобрали всё, что было в пользу голодающих рабочих. Детей кормить стало не чем. Илья Иванович дезертировал из рядов Красной Армии. В Тамбовской губернии разгоралось крестьянское восстание. И вот через несколько лет опасных приключений и скитаний Илья Романов оказался в лагере Особого назначения на Севере.

– Их главный большевик – Ленин, недавно помер, а новый вот освоился мало-мало, и давить начал чуждые Советской власти элементы.

– Слова-то, какие из уст простого мужика, – удивился ротмистр фон Рибен, Пётр Николаевич, колчаковец.

Романов на него покосился и продолжил:

– Всё забываю, как этого нового-то звать?

– Сталин.

– Сталин – я помню. Имя забыл.

– Иосиф.

– Еврей что ли?

– Нет, грузин.

– Хрен с ним, грузин так грузин. Андрей – первый, да боюсь не последний. Не видать нам родной стороны, господа хорошие, помяните моё слово.

Ему никто не возразил, понимали, что так оно и будет. В кельи наступила гнетущая тишина, как при покойнике.

– Неужели всех? – задал глупый вопрос самый молодой из зеков Юрий Колесов, двадцатидвухлетний сын генерал-майора царской армии.

– На Бога уповать надо, – пробасил отец Глеб. – На милость его.

И, как не странно, оказался прав. Под расстрел попал через некоторое время Илья Романов, остальные отсидели свой срок, освободились и до старости служили в Красной Армии, только генерал-майор Юрий Колесов погиб в 1945 году недалеко от Берлина. А отца Глеба тоже отпустили, но в 1938 году опять арестовали, и он сгинул перед войной где-то в казахских степях.

– Молись, раб Божий, – сказал священник, – уповай на Господа и молись, больше тебе ничего не остаётся.

– Не охота, – покачал головой подъяесаул и стал скручивать сигарку. – Казаки не перед кем и не перед чем голову не склоняли. О чём Бога просить? Что будет, то и будет. Знаю, что вдову мою и сирот моих по обычаю казачьему, казаки не бросят, что уже легче.

Только докурил, как вошли двое конвоиров и скомандовали:

– Зайцев! На выход.

Жена, Авдотья, в белом платочке в синий горошек и с таким же узелком в руках кинулась в объятия мужа. Васильковые большие глаза радостно распахнуты. Целуя мужа, она приговаривала:

– Как же ты исхудал, родной мой. Я тебе гостинцев принесла.

– Ну, будет, будет, – отстранил жену Андрей, – на людях не хорошо это.

– Андрюшенька, это раньше было нельзя при людях. А теперь весь уклад христианский порушили. Жизнь поломали. Как только не грешат на людях и Бога не бояться.

– Ладно, ладно, Дуня, пойдём отсюда. Всё равно не хорошо. Они – это они, а мы – это мы.

– Похудел-то как, – причитала Дуня.

– Так не дома.

Колючей проволоки ещё не было, вернее, была, но не везде. Всё только начиналось. Ещё верили, что врагов Советской власти можно перевоспитать. И время это наивное уже закончилось. Да и побег с этого гиблого места был равноценен самоубийству.

Андрей и Авдотья пошли по тропинке вокруг Святого озера, взявшись за руки, как в молодости, Андрей нёс узелок.

– Тут трава растёт, – удивлённо заменила Авдотья.

– Растёт.

– Я думала тут одни камни да ёлки.

– Не только.

– Ты есть хочешь?

– Потом.

Они свернули к лесному Безымянному озеру. Выбрали бугорок, обдуваемый ветром, где комаров поменьше. Тёмно-зелёные ели смотрелись в тёмно-синюю воду, зелёная трава добежала до крутого обрыва берега, серели камни, солнышко светило с голубого неба. Благодать!

– Чудной ты, Андрюша, – скромно улыбалась Авдотья, – без бороды, коротко стриженный, только усы и остались от прежней жизни.

– Так неволя.

– В чём забрали в том и ходишь.

– Нет. Кое-что от красного Креста перепадает. Тут, если кто умрёт, то его одежду начальство перераспределяет нуждающимся.

– Правда? Нищета какая-то.

– Так точно. Работать надо, что б деньги были, а не чаек считать.

– Каких чаек?

– Да любых! Тут так охрана зеков развлекает и унижает заодно.

– Господи спаси!

– Да ладно, – махнул он рукой. – Обжились на хуторе-то?

После ареста мужа Авдотья перебралась на хутор Петровский к свёкру и свекрови. Всё-таки в деревне ей с детьми легче было выжить. А родители Андрея, сразу после революции переселились из своей родовой усадьбы в простой казацкий курень. За несколько лет почти забылось, что они донские дворяне.

– Да всё – слава Богу, – ответила Дуня, – батя, правда, плох после твоего ареста. Да Бог милостив, дождётся твоего возвращения.

Авдотья развязала узелок. Там оказалась курица, варёная картошка, зелёный лук, огурцы, соль и чёрный хлеб.

– Ешь.

Андрей взял картошку, надкусил. Есть не хотелось. С трудом проглотив картофелину спросил:

– Ты сама-то голодная?

– Я-то успею. Дома наемся.

– И я успею. Лучше расскажи: как там, дома.

– Всё – слава Богу, Андрюшенька.

– Яблони?

– Да забросили сад. Одним не управиться, а нанимать кого-то боязно. Хлеб сеем да огород копаем, что бы до новины хватило да сельхоз налог отдать. Батя старый, ему уж за пятьдесят, тяжело ему, всё тебя ждёт.

– Правильно, что сеете мало, – одобрил Андрей, – большевики просто так не успокоятся, обязательно придумают какую-нибудь шкodu.

– Думаешь, они надолго?

– Думаю – да.

– Коммуну какую-то хотят сделать. Что бы яблоневого сада возродить. Батю туда в помощь зовут, да он упирается.

– Пусть не упирается. Пусть идёт. Безопасней быть с победителями. Не думаю, что он там сильно перетрудится. А какой ни какой прибыток будет. Ну и защита от новой власти. Хотя... Ладно. Как мать?

– О тебе каждый день молиться, а ночами плачет.

Андрей отвернулся, мука страшная исказила лицо, но он справился с собой и спросил:

– Дети как?

– Хорошо. Учатся. Миша, правда, ленится, а Варенька усидчивая, хорошо учиться.

– Мишке скажи, что б учился! Приду – уши надеру, если не будет!

А сам подумал: «Разве, что во сне ему явлюсь». Хотелось дать детям совет на всю жизнь, да как всю жизнь наперёд узнаешь?

Авдотья улыбнулась:

– Передам. Соскучилась я по тебе, Андрюшенька, возвращайся быстрее.

– И я по тебе. Вернулся бы, да от меня ничего не зависит. Дуняша, жалиночка моя ненаглядная.

Он обнял жену, поцеловал её.

– Истосковался по этому делу?

– Да, – просто сказал Андрей и стал расстёгивать ей кофточку.

– А кто увидит?

– Не увидят. Здесь мало кто ходит. А если и увидят, то сделают вид, что не заметили.

– Стыдно как-то, Андрюш. Может быть в другой раз?

– Чего стыдиться? Ты моя жена.

Чуть не проговорился, что другого раза у него уже не будет.

Северное солнце ярко светило, клонилось к горизонту. Заканчивался последний день подъесаула Гундоровского полка. Они возвращались. Оказалось, что у них ещё час. Присели на брёвна. Говорить вроде бы уже не о чем. А Дуня всё что-то торопливо рассказывала. Подъесаул молча смотрел на солнце. Андрей знал, что оно докатится с запада по северному небу почти до горизонта, покраснеет и будет подниматься, но этого всего он уже не увидит.

– Зайцевы! Прощайтесь, и на выход, гражданочка.

Прозвучало неожиданно. Авдотья вздрогнула и растерянно посмотрела на мужа.

Андрей пожал плечами, встал, достал из кармана георгиевскую ленточку Гундоровского полка, отдал Авдотье.

– На, Мишке отдай. Здесь могут отобрать. Она у меня в петлице была на шинели.

Эта ленточка дошла с гвардии сержантом Михаилом Зай-

цевым до Берлина, где на одной из колонн Рейхстаха он нацарапал: «Андрей Кондратьевич и Михаил Андреевич Зайцевы». А вот так! А что б знали!

Андрей поцеловал ласково жену на прощание.

– Ну, иди, Дуняша, иди.

Дуняша пошла медленно, оглянулась у пропускного пункта, посмотрела на мужа тревожно. Муторно было на душе, предчувствие не хорошее. Чувала женское сердце беду. Перекрестилась мелко, перекрестила мужа украдкой и ушла моля Бога, что бы ни сбылись её чёрные мысли.

Андрей смотрел ей в след, пока за ней не закрылась дверь. Постояв немного, направился в свою келью. По дороге его перехватил Иван Подколодный.

– Из хутора твоего письмо пришло, от ячейки РКСМ. Обещали за семьёй присмотреть, если что.

– Не надо. Кто-нибудь да возьмёт мою Дуняшу за себя, по обычаю. Без вас обойдёмся! У вас сегодня одно, а завтра другое. Сначала присмотрят, а потом в Сибирь отправят. Или куда там? Это в лучшем случаи. Чем дальше от вашей РКСМ тем лучше. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

– Это ты про РКСМ? Про комсомол? – вскипел Подколодный. – Это ты их барами называешь? Откуда такие слова ты взял?

– Из книжки. Один дворянчик написал. Да ты остынь, Иван, его ещё сто лет назад убили.

Подколодный успокоился:

– Хотел, как лучше для тебя сделать. Извини.

– Ничего, бывает. Прощай, товарищ Подколодный.

– Прощай, господин подъесаул.

В кельи Андрей положил узелок на стол.

– Помяните, – сказал просто, как об обыденном, сел на свои нары, свернул сигарку, закурил.

– А вы, почему не ели, Андрей Кондратьевич? – спросил Юрий Колесов.

– Зачем? Это вам силы нужны, мне уже не надо. Умереть можно и на голодный желудок. Да мне и не хочется.

– Это понятно, – сказал Илья Романов.

– Да, вот такие вот белые платочки переживут лихую годину и сохранят веру православную, – глядя на узелок, сказал отец Глеб, – благослови и укрепи, Господи, жён наших. Причаститься тебе надо и исповедоваться, раб Божий Андрей.

– У тебя есть вино и хлеб, батюшка?

– В исключительных случаях можно обойтись только одним хлебом.

– Что ж, можно и причаститься, хуже не будет. Только оно вроде как утром совершается?

– Утром, – согласился отец Глеб, и не стал говорить, что утра в Андреевой жизни уже не будет, – литургию я уже совершил, хлеб освятил.

Андрей исповедовался, рассказывая не спеша всю свою

жизнь. Остальные четверо зеков отошли как можно дальше, что бы ни нарушать тайны исповеди. Отец Глеб покрыл гордую голову подъесаула белым вафельным полотенцем вместо епитрахили, которую Андрей не как не хотел склонять, отпустил грехи разрешительной молитвой.

Потом Андрей причастился хлебом и водой за неимением вина.

Таинство кончилось. Отец Глеб стоял растерянно с полотенцем в руках.

– Что такое, отец Глеб? – спросил капитан Воропанов.

– Так теперь его нельзя использовать как полотенце.

– Эка не задача, – сказал Романов, – нашёл, о чём печалиться. Андрей первый да не последний, я же баял. Всех нас ещё исповедуешь.

– Тыпфу на вас, господин атаман, – в сердцах сказал Воропанов.

– Думаю, – сказал ротмистр фон Рибен, – человек с царской фамилией прав. Если уж начали вряд ли останутся.

– А причём здесь моя фамилия? Я, что? Виноват, что ли? Это он носил мою фамилию, а не я его! Задушить было надо большевиков в зародыше. А он нюни развесил! И самого кокнули и мы страдаем.

– Либеральничал, – сказал Воропанов.

– Да никто о большевиках и не слышал тогда, – сказал фон Рибен. – Выскочили как чёртик из табакерки.

– А вы, наверное, Пётр Николаевич, лютеранского веро-

исповедания? – поинтересовался отец Глеб, оборвав не нужный и не уместный спор.

– Это почему? Ещё при матушке Екатерине Великой мои предки крестились в православие.

– Во! Все беды России от немцев да евреев! Троцкий, Каменев, Зиновьевы всякие! Ленин ихний, бают, немец.

– Да русский он, – возразил Воропанов. – Что среди русских негодяев что ли мало? А, Илья Тимофеевич?

– Да не без этого. А Маркс? – не унимался Романов. – Он немец?

– Не совсем, – сказал Воропанов. – Он выкрест. По крови – еврей, а по вере – немец.

– Да прекратите, вы! – сказал фон Рибен – И так тошно. Человека к расстрелу приговорили, а вы про Маркса спорите.

– Да ничего, – сказал подъесаул, – живой с живыми.

Он вздохнул, достал табак, бумагу, мундштук.

– Не надо, – сказал отец Глеб. – Не оскверняй себя после исповеди.

– Хорошо, потерплю чуток, – согласился Андрей и положил всё это на стол. – Курите, братцы.

Скрипнула дверь и конвойный крикнул:

– Зайцев, на выход!

– Ну, прощайте.

Его все обняли, а отец Глеб перекрестил, благословляя.

– Перед Отцом Небесным предстанешь ныне.

– Лучше скажи, батюшка, за что смерть принимаю?

– За Россию – ответил фон Рибен.

– За что же ещё? – удивился Воропанов.

– Да, – подтвердил отец Глеб, – и за веру православную.

– Ну, что ж – вздохнул бывший подьесаул, – будем считать, что я иду в последнюю атаку со своим Гундоровским Георгиевским полком, там, в степях под Херсоном. За Веру и Отечество!

Андрей взял мундштук со стола, повертел его в руках, положил на место, погладил его, прощаясь, сказал:

– Из нашей яблони.

Потом развернулся и твёрдо вышел из кельи.

Подьесаул Гундоровского полка спокойно, глядя в рыбы водянистые глаза начальника лагеря, выслушал приговор. Затем его отвели на склад, где он сдал всю свою верхнюю одежду и босиком, в одних кальсонах и исподней рубашке пошёл впереди конвоиров, ступая голыми ногами по влажной земле и холодным камням.

Конвоиры вели его по тропинке, где несколько часов назад он шёл с женою. Конвоиры шли злые и недовольные. Андрей их понял.

– Привыкайте, ребятки, скоро работы будет много, – сказал насмешливо.

– Да помолчи ты, и так тошно, – сказал один из конвоиров и зло сплюнул.

Пришли к Безымянному озеру.

– Становись к обрыву, – сказал хмуро конвоир, не глядя на подъесаула.

Андрей подчинился: встал – перекрестился, руки по швам, спокойно посмотрел на своих палачей.

– Ты уж прости нас, мил-человек.

– Бог простит, – ответил Андрей.

Он покосился налево. Вот на этом бугорке несколько часов назад сидели они с Дуней, трава вон помята...

Раздался хлёткий сдвоенный винтовочный выстрел. Андрея опрокинуло в чистую холодную синеву Безымянного озера.

Тело подъесаула Гундоровского Георгиевского полка медленно опускалось на дно в клубках красной крови.

А через девять месяцев Авдотья Зайцева родила третьего ребёнка, второго сына. Назвали Андреем.

26. 07.2018 г.